

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 3 (114). С. 38–49.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 3 (114). Pp. 38–49.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 342.723

ПРАВОВЫЕ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ДЕЛИКТОСПОСОБНОСТИ ЛИЦ, ОГРАНИЧЕННЫХ В ДЕЕСПОСОБНОСТИ

Белозерцева Виктория Владимировна¹, Белозерцев Сергей Михайлович²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация

²Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

¹ sarrav@mail.ru, ²zuyn03@mail.ru

Введение: исследование волеиспособности субъекта, его правовых способностей всегда будет актуальным, это связано с трансформацией общественных отношений, появлением в праве новых способов выражения воли лица. Современные тенденции развития искусственного интеллекта, предпринятые попытки присвоения ему некоторых элементов воли, присущих человеку, вовсе возводит категорию правосубъектности и ее элементов в ранг одной из самых востребованных для изучения. Право на протяжении всей истории проецирует антропоцентрический подход к формированию правовых норм, появление новых форм существования и проявления воли не изменяет этого подхода, наоборот, усиливает значение основ правового поведения, и мы воспринимаем новые формы существования и проявления воли не только чуждыми, но и враждебными. В то же время исследование традиционных, привычных волеиспособностей лица может создать платформу для появления правовых норм и правил для регулирования тех самых новых форм существования и проявления воли.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс РФ, гражданское и гражданское процессуальное законодательство в части, регулирующей основания ограничения дееспособности субъекта и определяющей его деликтоспособность, материалы судебной практики, отражающие критерии определения волеиспособности субъекта. Методологическую основу исследования составил общенаучный диалектический метод; логический, систематический методы, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, обобщения и описания; частнонаучный метод: формально-юридический.

Результаты исследования: позволили осветить место деликтоспособности в структуре правосубъектности, определить ее признаки как самостоятельной правовой категории, в которой сочетаются право- и дееспособность. Дееспособность проявляется в деликтоспособности как способность оценивать антисоциальный характер своих действий, что является отражением воледееспособности лица; именно поэтому, для того чтобы обладать деликтоспособностью, необходимо иметь хотя бы часть дееспособности, как это и происходит с субъектами, ограниченными в дееспособности. Правоспособность в деликтоспособности проектирует функцию способности нести обязанности определенного типа (ответственность). Неделиктоспособный субъект не только не способен создать и исполнить обязанность, но даже не способен ее нести. Таким образом, отсутствие дееспособности влечет отсутствие деликтоспособности, а ограничение дееспособности не влечет ограничение деликтоспособности, что и позволяет сделать вывод о полной деликтоспособности лиц, ограниченных в дееспособности.

Выводы и заключения: ограниченно дееспособные лица деликтоспособны в полном объеме. Основания ограничения дееспособности разделены на три группы в зависимости от целей, на которые они направлены. Во всех трех случаях ограничение дееспособности влечет за собой ограничение позитивной воледееспособности, которая направлена на совершение различного рода сделок, способность к несению ответственности не ограничивается. В отношении лиц, ограничиваемых в дееспособности по основаниям ст. 30 ГК РФ, законодатель в одном случае определенно указал, что такие субъекты деликтоспособны в полном объеме (ст. 1077 ГК РФ), во всех остальных случаях установлено правило деликтной ответственности как «ответственность за причиненный вред несет в соответствии с настоящим Кодексом». Подобная формулировка позволяет сделать вывод, что субъекты, ограниченные в дееспособности по правилам ст. 30 ГК РФ, полностью деликтоспособны.

Ключевые слова: правосубъектность, правоспособность, дееспособность, деликтоспособность, ограничение дееспособности, ответственность.

Для цитирования: Белозерцева В. В., Белозерцев С. М. Правовые и доктринальные основы деликтоспособности лиц, ограниченных в дееспособности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 38–49.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

LEGAL AND DOCTRINAL BASIS OF THE DELICTOUS CAPACITY OF PERSONS WITH LIMITED LEGAL CAPACITY

Victoria V. Belozertseva¹, Sergey M. Belozercev²

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

²Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

¹ sarrav@mail.ru, ² zuyn03@mail.ru

Introduction: The study of the capacity for will of the subject, its legal ability will always be relevant. This is associated with the transformation of social relations and the emergence of new ways to express the will of an individual in law. The modern trends in the development of AI, attempts to assign some elements of human will to it, completely elevate legal personality and its components to one of the highest priorities for study. Law projects an anthropocentric approach throughout history to the creation of norms and regulations. The emergence of new forms and manifestations of will does not alter this approach; on the contrary, it emphasizes the importance of legal behavior foundations and perceives new forms as not only foreign but also hostile to us. At the same time, studying traditional, habitual human volitional abilities can create a basis for the establishment of legal regulations to govern these new forms.

Materials and Methods: The normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, civil and civil procedural legislation, in the part regulating the grounds for limiting the legal capacity of a subject and determining its tort capacity, materials of judicial practice reflecting the criteria for determining the subject's legal capacity. The methodological basis of the study was the general scientific dialectical method; logical, systematic methods, cognitive methods and techniques of observation, comparison, generalization and description; specific scientific method: formal-legal.

The Results of the Study: allowed to highlight the place of tort capacity in the structure of legal personality, to determine its features as an independent legal category, which combines legal and legal capacity. Legal capacity is manifested in tort capacity as the ability to assess the antisocial nature of one's actions, which is a reflection of the person's volitional capacity, which is why, in order to have tort capacity, it is necessary to have at least part of the legal capacity, as is the case with subjects with limited legal capacity. Legal capacity in tort capacity projects the function of the ability to bear obligations of a certain type (responsibility). A subject who is not tort-capable is not only unable to create and fulfill an obligation, but is not even able to bear it. Thus, the absence of legal capacity entails the absence of tort capacity, and limitation of legal capacity does not entail limitation of tort capacity, which allows us to conclude that persons with limited legal capacity have full tort capacity.

Findings and Conclusions: persons with limited legal capacity have full tort capacity. The grounds for limiting legal capacity are divided into three groups depending on the purposes they are aimed at. In all three cases, limiting legal capacity entails limiting positive volitional capacity, which is aimed at making various types of transactions; the capacity to bear responsibility is not limited. With regard to persons limited in legal capacity on the grounds of Art. 30 of the Civil Code of the Russian Federation, the legislator has specifically indicated in one case that such subjects have full tort capacity (Art. 1077 of the Civil Code of the Russian Federation); in all other cases, the rule of tort liability is established as "responsibility for damage caused is borne in accordance with this Code." Such wording allows us to conclude that subjects limited in legal capacity under the rules of Art. 30 of the Civil Code of the Russian Federation have full tort capacity.

Keywords: legal personality, legal capacity, tort capacity, limitation of legal capacity, responsibility.

For citation: Belozertseva V.V., Belozertsev S.M. Pravovyye i doktrinal'nyye osnovy deliktosposobnosti lits, ogranichennykh v deyesposobnosti [Legal and doctrinal foundations of the tort capacity of persons with limited legal capacity]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 3 (114). Pp. 38–49.

Деликтоспособность как способность нести ответственность неразрывно связана с правосубъектностью, правовую ответственность может нести лишь тот, кто обладает правосубъектностью, чья воля имеет правовое значение. В том случае, если правонарушение совершает субъект не являющийся правосубъектным в полном объеме, встает вопрос о его деликтоспособности. С этой точки зрения интерес вызывает правовое регулирование деликтоспособности субъектов, чья дееспособность не является полной. В частности, по общему правилу, лица, ограниченные судом в дееспособности, несут ответственность за причинение вреда самостоятельно, в данном случае созидательная волееспособность лица ограничена, потому как он не в полной мере осознает значение своих действий и ими руководит, однако в отношении негативного проявления воли у законодателя подход иной.

В правовой науке существует устоявшийся подход к пониманию правосубъектности и ее элементов. Привычно мы полагаем, что правосубъектность состоит из двух элементов: правоспособности и дееспособности, деликтоспособность традиционно включают в состав дееспособности наряду со сделкоспособностью, хотя существуют и иные точки зрения [1, с. 25]. В том случае, если деликтоспособность является элементом дееспособности, то логично предположить, что ограничение дееспособности повлечет за собой не только ограничение сделкоспособности, но и деликтоспособности, однако нормы гражданского законодательства об ограничении дееспособности гражданина нарушают данную логику. Деликтоспособность мы понимаем как способность нести ответственность за неправомерные действия (за причиненный вред).

Дееспособность является правовым отражением волееспособности лица, его способности осуществлять юридически значимые действия (бездействия). Правовые основы дееспособности заложены в Конституции Российской Федерации и Гражданском кодексе Российской Федерации. Гражданское законодательство в качестве критерия волееспособности физического лица определило, в первую очередь, возраст; в то же время, помимо возраста, на развитие волееспособности влияет и уровень сознания и воли, психическое состояние, подверженность различного рода зависимостям. Именно к таким случаям относятся правила ограничения дееспособности гражданина, заложенные в ст. 30 ГК РФ. Нормы института ограничения дееспособности гражданина демонстрируют особенности такой правовой категории, как деликтоспособность. С момента создания ГК РФ перечень оснований ограничения дееспособности гражданина не один раз дополнялся. В настоящее время в действующей ст. 30 ГК РФ содержатся условия, в соответствии с которыми

дееспособность гражданина может быть ограничена вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами, пристрастия к азартным играм, а также вследствие психического расстройства. Некоторые из заложенных в ГК РФ критериев ограничения дееспособности вызывают научную дискуссию и трудности в практическом применении. В первую очередь, это касается возможности ограничения дееспособности в случаях психического расстройства, когда судам сложно правильно определить волевой критерий для принятия правомерного решения.

Отметим, что ст. 30 ГК РФ закрепляет разные по своей направленности критерии ограничения дееспособности гражданина, кроме того, помимо ст. 30 ГК РФ существуют и иные, применяемые по решению суда, основания ограничения дееспособности гражданина. Например, ограничением дееспособности, на наш взгляд, является ограничение несовершеннолетнего в распоряжении своим заработком или иными доходами по ходатайству родителей (ст. 26 ГК РФ) или применение к гражданину процедур банкротства (ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Институт ограничения дееспособности гражданина имеет своей целью защитить интересы лица, ограничиваемого в дееспособности, а также иных лиц, чьи права тем или иным образом затрагиваются.

Ограничение дееспособности гражданина, злоупотребляющего спиртными напитками, наркотическими средствами или вследствие пристрастия к азартным играм, возможно только в том случае, если он ставит свою семью в тяжелое материальное положение. Если у такого гражданина нет семьи или он не ставит ее своими действиями в тяжелое материальное положение, то ограничить его дееспособность не представляется возможным.

Ограничение дееспособности гражданина, страдающего психическим заболеванием, возможно в том случае, если в результате заболевания он может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц. Законодатель посчитал необходимым применить дифференцированный подход к объему дееспособности граждан, страдающих различными психическими заболеваниями, в обоих случаях применяются медицинский и юридический критерии. В правоприменительной практике сложился подход к определению уровня способности субъектов к оценке своих действий и способности ими руководить при принятии решений об ограничении дееспособности гражданина¹.

В результате процедуры банкротства, применяемой гражданину, в том числе и обладающему статусом индивидуального предпринимателя, ограничение его

---

¹ Например: «...Имеющиеся у ФИО4 нарушения психики в настоящее время не препятствуют достаточной ориентировке в стандартных социально-бытовых ситуациях и среднему уровню социальной адаптации, однако его способность к принятию самостоятельных, осознанных, адекватных решений и возможность реализации имущественных прав ограничена, поэтому он может понимать значение своих действий и руководить ими лишь при помощи других лиц.» // Решение Центрального районного суда города Сочи Краснодарского края по Делу № 2-4199/2024 УИД:23RS0059-01-2024-006320-69 // sudact.ru

дееспособности заключается в ограничении распоряжением имуществом, ограничении занимать определенные должности и т. п.

Дееспособность несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет традиционно называют относительной, потому как ее реализация зависит от согласия родителей (усыновителей, попечителей), однако и так не полную дееспособность несовершеннолетнего лица можно дополнительно ограничить, причем исключительно в интересах несовершеннолетнего, и направить использование его доходов в рациональное русло.

Перечисленные нами основания ограничения дееспособности гражданина преследуют разные цели и вследствие этого могут быть разделены на несколько групп [2, с. 125]:

- ограничение дееспособности с целью охраны имущественных прав и интересов других лиц;
- ограничение дееспособности с целью охраны имущественных прав и интересов субъекта, ограничиваемого в дееспособности;
- ограничение дееспособности с целью охраны имущественных прав и интересов субъекта, ограничиваемого в дееспособности, а также прав и интересов других лиц.

Отличаются и последствия ограничения дееспособности гражданина по тем или иным основаниям.

Ограничение дееспособности несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет заключается в том, что он теряет способность самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией и иными доходами. При этом сохраняет полную деликтоспособность и отвечает самостоятельно за причиненный вред; по совершенным в соответствии с законом сделкам он также несет самостоятельную имущественную ответственность.

Банкротство гражданина не имеет основной цели ограничения дееспособности гражданина, в результате применения норм о несостоятельности гражданин рационально выплачивает накопившиеся долги и удовлетворяет интересы своих кредиторов. В то же время применение процедуры банкротства отражается и на дееспособности гражданина, когда он лишается возможности в течение установленного периода времени занимать определенные должности, брать на себя кредитные обязательства и т. п. Имущественная ответственность по совершенным им сделкам и деликтная ответственность за причиненный вред сохраняется в полном объеме.

Гражданин, ограниченный в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотическими веществами и пристрастия к азартным играм, способен самостоятельно совершать только мелкие бытовые сделки, остальные сделки он совершает с согласия попечителя. Такой гражданин лишен возможности самостоятельно распоряжаться своими доходами, однако он самостоятельно несет имущественную ответственность по совершенным им сделкам и за причиненный им вред.

Гражданин, ограниченный в дееспособности вследствие психического расстройства, когда он может понимать значение своих действий и (или) ими руководить только при помощи других лиц, способен самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки и распоряжаться своим заработком, стипендией и иными доходами, остальные сделки он совершает с письменного согласия попечителя. В то же время при наличии достаточных оснований суд может ограничить самостоятельное распоряжение заработком, стипендией и иными доходами. Тем не менее законодатель предусматривает самостоятельную имущественную ответственность по сделкам, совершенным гражданином, ограниченным в дееспособности в результате психического расстройства и устанавливает общие основания для деликтной ответственности (за причиненный вред).

Законодатель в ст. 30 ГК РФ, установив общее правило деликтной ответственности ограниченно дееспособных лиц, сделал отсылку к общим правилам ответственности за причинение вреда, т. е. к ст. 1077 ГК РФ. Однако норма ст. 1077 ГК РФ не в полной мере определяет деликтоспособность лиц, ограниченных в дееспособности, потому как в ней речь идет только о лицах, ограниченных в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками и наркотическими веществами. Лица, ограниченные в дееспособности вследствие пристрастия к азартным играм и психического расстройства, не упомянуты в ст. 1077 ГК РФ. Не один раз в научной литературе указывали на то, что, внося изменения в ст. 30 ГК РФ, дополнив ее новыми основаниями ограничения дееспособности, законодатель «забыл» изменить ст. 1077 ГК РФ, которая предусматривает ответственность за причиненный вред гражданином, признанным ограниченно дееспособным [3, с. 10].

В доктрине мнения разделились. Одна группа ученых полагает, раз законодатель применил дифференцированный подход, четко закрепив в ст. 30 ГК РФ, что лица, ограниченные в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотическими веществами и пристрастия к азартным играм, самостоятельно несут деликтную ответственность, а в отношении лиц, ограниченных в дееспособности вследствие психического расстройства, применил обтекаемую формулировку «ответственность за причиненный вред несет в соответствии с настоящим Кодексом», то, следовательно, в ГК РФ должно быть закреплено особое правило ответственности таких лиц [4, с. 30]. Другая группа ученых придерживается иного суждения, аргументируя свою позицию тем, что ограничение дееспособности независимо от основания не влечет ограничение деликтоспособности, что и означает формулировка абз. 5 п. 2 ст. 30 ГК РФ [5, с. 36].

Правила ст. 30 и ст. 1077 ГК РФ, безусловно, не коррелируются между собой. Конечно, уточнение содержания ст. 1077 ГК РФ снимет массу проблем, в первую очередь практической направленности, однако в данный момент мы вынуждены применять эти нормы в существующем виде, используя различные правила толкования.

На наш взгляд, законодатель достаточно четко определил самостоятельную полную деликтоспособность лица, ограниченного в дееспособности, указав на это в абз. 5 п. 2 ст. 30 ГК РФ и ст. 1077 ГК РФ, несмотря на то что в обеих статьях

используются разные формулировки. Следует также отметить, что ни ст. 30 ГК РФ, ни ст. 1077 ГК РФ не упоминают о деликтоспособности лиц, ограниченных в дееспособности вследствие пристрастия к азартным играм. Статья 1077 ГК РФ вполне определенно устанавливает полную деликтоспособность лиц, ограниченных в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками и наркотическими веществами, закрепляя, что причиненный вред возмещается самим причинителем вреда. Статья 30 ГК РФ закрепляет, что субъект, ограниченный в дееспособности вследствие психического расстройства, несет ответственность за причиненный вред «в соответствии с настоящим Кодексом». Абз. 5 п. 2 ст. 30 ГК РФ отсылает к главе 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда», которая не устанавливает никаких особенностей ответственности данных лиц, что и означает их полную деликтоспособность. По нашему мнению, именно такой вывод напрашивается исходя из толкования данных норм, кроме того такой вывод логичен исходя из понятия и признаков самой деликтоспособности как правовой волеиспособности нести ответственность за причиненный вред. По нашему мнению, деликтоспособность лица, ограниченного в дееспособности, достаточно наглядно демонстрирует самостоятельность деликтоспособности как правовой категории в структуре правосубъектности.

Как мы уже отмечали ранее, деликтоспособность как способность нести ответственность, с точки зрения устоявшегося научного подхода [6, с. 120], является частью дееспособности наряду со сделкоспособностью. Ограничение дееспособности гражданина по сути своей влечет ограничение сделкоспособности, но не деликтоспособности. Дееспособность как один из элементов правосубъектности, которая необходима лицу для вступления в правоотношения, имеет особенности формирования и существования. Отсутствие дееспособности одного лица может быть восполнено дееспособностью другого, институт опеки и попечительства в полной мере этому способствует. Опекуны и попечители (родители, усыновители) не реализуют волю своих подопечных, они осуществляют свою, но в интересах представляемых. Созидательное проявление воли может быть восполнено волей другого лица, ответственность не допускает подобного, ответственность всегда наступает за свою вину (в том числе, когда она презюмируется). Вина – это одно из проявлений воли, если субъект неосознанно проявляет ее, то и ответственности нести не должен. Несмотря на то, что основной целью гражданско-правовой ответственности является компенсация причиненного вреда, восстановление того положения, которое было до нарушения, не допускается ее возложение на невиновное лицо, хотя допускается ответственность за чужие действия, но всегда за свою вину. Совершение действия субъектом, признанным недееспособным или являющимся таковым в силу возраста, – это юридический факт, на основе которого возникает деликтное правоотношение, субъектом ответственности в этом правоотношении становится опекун, который отвечает за свою вину [7, с. 15]. Законодатель не может и не должен предусматривать ответственность за чужую вину, деликтоспособность в отличие от дееспособности не может быть восполнена. Обратим внимание на то, что сделкоспособность может быть ограничена только в части совершения позитивных действий, бремя последствий по заключенным сделкам

ограниченно дееспособные несут самостоятельно, как это указано в ст. 30 ГК РФ. Например, суд признал недействительным кредитный договор, заключенный лицом, ограниченным в дееспособности, и применил реституцию, обязав должника вернуть все полученное по сделке банку, проценты в объем возвращенного по правилам закона и акту правосудия не вошли². Сделкоспособность формируется волепособностью лица и направлена на создание своей волей для себя прав и обязанностей. Целью осуществления деликтоспособности вряд ли можно назвать создание для себя ответственности. В формировании юридически значимой воли всегда присутствует интеллектуальный критерий, субъект должен быть способен осознавать значение своих действий и понимать их последствия [8, с. 100]. Следует констатировать тот факт, что деликтоспособность в отличие от сделкоспособности и дееспособности не может быть неполной, ограниченной, частичной, она может быть только полной, либо вообще отсутствовать. Опекуны или попечители (родители, усыновители) становятся самостоятельными субъектами ответственности (в том числе и при субсидиарной ответственности), отвечая за свою вину. Ограничение дееспособности гражданина влечет за собой ограничение позитивных проявлений его воли, деликтоспособность не ограничивается.

На наш взгляд, нормы ГК РФ о полной деликтоспособности гражданина, ограниченного в дееспособности, в очередной раз доказывают, что деликтоспособность не является элементом дееспособности, но она самостоятельный элемент правосубъектности, по крайней мере, необходимость ее существования в структуре правосубъектности весьма определена [9, с. 83]. Деликтоспособность как правовое отражение волепособного лица нести ответственность предоставляет законодателю возможность воздействовать на правонарушителя либо напрямую, либо через других лиц [10, с. 38]. В деликтоспособности сочетаются правоспособность и дееспособность [11, с. 321], дееспособность «подтверждает» достаточный уровень волепособности, чтобы понимать последствия своих действий, правоспособность указывает на то, что субъект способен нести обязанности определенного типа (в данном случае – ответственность). При этом отсутствие деликтоспособности исключает способность лица приобрести и нести обязанность возмещать причиненный вред. В то же время, как мы уже отмечали, отсутствие части дееспособности не повлечет отсутствия волепособности нести ответственность за неправомерные действия.

Деликтоспособности присущи черты дееспособности, такие как способность оценивать антисоциальный характер своих действий, что является проявлением волепособности лица, именно поэтому для того чтобы обладать деликтоспособностью необходимо иметь хотя бы часть дееспособности, как это и происходит с субъектами, ограниченными в дееспособности. Таким образом, отсутствие дееспособности влечет отсутствие деликтоспособности, а ограничение дееспособности не влечет ограничение деликтоспособности. Неделиктоспособный субъект не только не способен создать и исполнить обязанность, но даже не способен ее нести, т.е. у неделиктоспособного

² Решение суда г. Петропавловск-Камчатский от 10 декабря 2024 г. по делу № 2-7249/2024 //sudact.ru

будет отсутствовать правоспособность в части способности нести обязанности определенного типа.

Специфика деликтоспособности заключается в том, что в ней сочетаются правоспособность и дееспособность, причем только в части ответственности за неправомерные действия [12, с. 11]. Деликтоспособность не может быть восполнена волей другого лица, ответственность субъект несет всегда за свою вину, отсутствие деликтоспособности не повлечет невозможность участия субъекта в правоотношениях. Таким образом, лица, ограниченные в дееспособности, обладают деликтоспособностью в полном объеме.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шевченко, А. С., Шевченко, Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве : Учебное пособие / Москва: Статут, 2013. 98 с.
2. Скоробогатова, В. В. Правосубъектность граждан в российском гражданском праве / Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. 153 с.
3. Данилова, Л. Я. Новеллы российского законодательства об ограничении дееспособности граждан, страдающих психическими расстройствами / Л. Я. Данилова // Семейное и жилищное право. 2015. № 3. С. 4–16.
4. Останина, Е. А. Ограниченная дееспособность либо недееспособность: попытка дифференцированного гражданско-правового и гражданско-процессуального анализа / Е. А. Останина // Закон. 2022. № 9. С. 27–40.
5. Рябинин, Н. А., Казанцева К. Ю. Совершенствование законодательства, регулирующего правовой статус лица, ограниченного в дееспособности / Н. А. Рябинин, К. Ю. Казанцева // Современное право. 2017. № 7. С. 34–48.
6. Современное гражданское и семейное право: перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики : монография / отв. ред. Е. В. Вавилин, О. М. Родионова. Москва : Статут, 2024. 226 с.
7. Дерюгина, Т. В. О возникновении деликтного обязательства и об условиях возмещения вреда / Т. В. Дерюгина // Цивилист. 2024. № 5. С. 13–21.
8. Веберс, Я. Р. Правосубъектность граждан в гражданском и семейном праве / Я. Р. Веберс. Рига : Зинатне, 1976. 232 с.
9. Яковлев, В. Ф. Гражданский кодекс Российской Федерации: развитие общих положений гражданского права // Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2008. 165 с.
10. Илларионова, Т. И. Структура гражданской правосубъектности // Правовые проблемы гражданской правосубъектности : сб. ст. / под ред. О. А. Красавчикова. Свердловск, 1978. 156 с.
11. Черепяхин, Б. Б. Труды по гражданскому праву. Сер. «Классика российской цивилистики» / МГУ, кафедра гражданского права, юридический факультет. М. : Статут, 2001. 478 с.
12. Скоробогатова, В. В. Правосубъектность граждан в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 22 с.

REFERENCES

1. Shevchenko, A. S., Shevchenko, G. N. Deliktnyye obyazatel'stva v rossiyskom grazhdanskom prave [Tort obligations in Russian civil law]. Moscow, 2013. 98 p.
2. Skorobogatova V.V. Pravosub'yektnost' grazhdan v rossiyskom grazhdanskom prave [Legal capacity of citizens in Russian civil law]. Irkutsk, 2011, 153 p.
3. Danilova L.Ya. Novelly rossiyskogo zakonodatel'stva ob ogranichenii deyesposobnosti grazhdan, stradayushchikh psikhicheskimi rasstroystvami [Novels of Russian legislation on limiting the legal capacity of citizens suffering from mental disorders]. Semejnoe i zhilishchnoe pravo – Family and housing law. 2015, no. 3, pp. 4 - 16.
4. Ostanina E.A. Ogranichennaya deyesposobnost' libo nedeyesposobnost': popytka differentsirovannogo grazhdansko-pravovogo i grazhdansko-protsessual'nogo analiza [Limited legal capacity or incapacity: an attempt at differentiated civil law and civil procedural analysis]. Zakon – Law. 2022. No. 9. Pp. 27-40.
5. Ryabinin N.A., Kazantseva K.Yu. Sovershenstvovaniye zakonodatel'stva, reguliruyushchego pravovoy status litsa, ogranichennogo v deyesposobnosti [Improving the Legislation Governing the Legal Status of a Person with Partial Legal Capacity]. Sovremennoe pravo – Modern Law. 2017, no. 7, pp. 34-48.
6. Vavilin E. V., Rodionova O. M. Sovremennoye grazhdanskoye i semeynoye pravo: perspektivy razvitiya doktriny, zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noy praktiki [Modern Civil and Family Law: Prospects for the Development of Doctrine, Legislation and Law Enforcement Practice]. Moscow, 2024. 226 p.
7. Deryugina T.V. O vozniknovenii deliktного obyazatel'stva i ob usloviyakh vozmeshcheniya vreda [On the Emergence of a Tortious Obligation and the Conditions for Compensation for Damage]. Civilist – Civilist. 2024, no. 5, pp. 13-21.
8. Webers J.R. Pravosub'yektnost' grazhdan v grazhdanskom i semeynom prave [Legal capacity of citizens in civil and family law]. Riga, 1976. 232 p.
9. Yakovlev V.F. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii: razvitiye obshchikh polozheniy grazhdanskogo prava [Civil Code of the Russian Federation: development of general provisions of civil law]. Moscow, 2008. 165 p.
10. Illarionova T.I. Struktura grazhdanskoy pravosub'yektnosti [Structure of civil legal capacity]. Pravovye problemy grazhdanskoy pravosub'yektnosti – Legal problems of civil legal capacity. Sverdlovsk, 1978, 156 p.
11. Cherepakhin B.B. Trudy po grazhdanskomu pravu Ser. «Klassika rossiyskoy tsivilistiki» [Works on civil law Series "Classics of Russian civilistics"]. Moscow, 2001, 478 p.
12. Skorobogatova V.V. Pravosub'yektnost' grazhdan v rossiyskom grazhdanskom prave: avtoreferat. diss ... kand. jurid. nauk: 12.00.03 [Legal personality of citizens in Russian civil law: author's abstract. diss ... candidate of legal sciences: 12.00.03]. Yekaterinburg, 2010. 22 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Белозерцева Виктория Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074 г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Белозерцев Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории. Байкальский государственный университет. 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Belozertseva Victoria Vladimirovna, candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Head of the department civil law disciplines. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074, Irkutsk, Lermontov st. 110.

Belozercev Sergey Mikhailovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History. Baikal State University. 664003 Irkutsk, Lenin st. 11.

Статья поступила в редакцию 27.05.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 24.07.2025.

The article was submitted 27.05.2025; approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 24.07.2025.